

Го Цзайсинь целые сутки жил как в аду.

Вернувшись в офис, он чувствовал, что каждый взгляд был подобен штыку: они вонзались ему в лопатки со спины, затем с силой скользили вниз, огибая талию и... грудь.

Его грудь.

Эти две виновницы всех бед.

Та самая пара, из-за которой он в одно мгновение превратился из тихого, сдержанного, полностью погруженного в работу старшего руководителя группы в главную офисную сплетню.

Конечно, никто на самом деле не видел его позорного состояния в туалете.

Кроме... того отвратительного новичка, того парня, который проскользнул в кабинку, словно кот, и имел наглость заявить, что у него есть «сертификат»: Че Шэнъянь.

При одном воспоминании об этом имени у него подскочило давление, перехватило дыхание и даже слегка заныли молочные железы.

— Эй-эй-эй, старший, у тебя такое красное лицо, не тепловой ли удар? — Фирменное улыбчивое лицо Че Шэнъяня снова оказалось совсем близко, в его тоне не было ни капли смущения, словно ничего и не происходило.

— ...Держись от меня подальше. — Го Цзайсинь отвернулся, изо всех сил стараясь сохранить свой офисный образ «интеллигентного, возвышенного недотроги».

— О~ я знаю, ты просто стесняешься~ — Че Шэнъянь откинулся на спинку стула, заложив руки за голову, и лениво протянул: — Но если честно, старший, тебе не стоит так нервничать, я никому не расскажу о том, что только что было. Исходя из моей профессиональной этики, это врачебная тайна.

— Я тебе не пациент.

— Ну тогда считай это... хм, особым клиническим случаем? — Че Шэнъянь ухмыльнулся. — К тому же, я считаю, что твоя ситуация поистине уникальна. Может, я помогу тебе разработать комплекс массажных упражнений по стандартной операционной процедуре? Фиксированный распорядок дня, зонированное лечение — и эффект будет намного лучше.

— Умоляю тебя, перестань об этом говорить, — холодно ответил Го Цзайсинь. — Ты вообще понимаешь, насколько неуместно только что себя вел?

— Как именно? — Че Шэнъянь скорчил невинную физиономию.

— Залезть из соседней кабинки в мужском туалете, пияться на чужое тело да еще рассуждать о каком-то массаже... Ты что, с ума сошел?!

Че Шэнъянь пожал плечами, совершенно не смутившись:

— Я не пиялся, я наблюдал. Наблюдал из соображений медицинской этики. К тому же тебе явно было больно, на твоём лице буквально крупными буквами было написано: «Я нуждаюсь в спасении».

— Я просто смутился! Я хотел сбежать! — Го Цзайсинь наконец не выдержал и рявкнул вполголоса.

Едва слова сорвались с губ, как он заметил, что весь отдел планирования на секунду погрузился в абсолютную тишину. Парочка сидевших неподалеку сотрудников повернулась в его сторону, а затем... сделали вид, что ничего не произошло, и отвернулись, но явно посмеиваясь.

Го Цзайсинь почувствовал, что его голова сейчас расплавится.

Он глубоко вздохнул и процедил сквозь зубы:

— Поговорим после работы. Сейчас рабочее время, закрой рот и занимайся делами.

— Ой-ой, какой грозный, старший~ Мне что, прямо здесь сесть в позу лотоса и заняться самосовершенствованием? — пробормотал Че Шэнъянь, но всё же поднял руки в знак капитуляции и отвернулся к экрану своего компьютера.

**

Однако весь оставшийся день Го Цзайсинь не мог сосредоточиться. Стоило его вниманию хоть немного ускользнуть, как оно возвращалось к тому самому инциденту в туалете.

К тому злосчастному обеденному перерыву.

К тому флакону лосьона-пробника, который до сих пор лежал в его сумке и еще не был убран в ящик стола.

К тому неловкому диалогу, когда он сам с собой вел счет на «восемь кругов по часовой стрелке».

И к тому же — к лицу Че Шэнъяня, которое заглянуло снизу из-под перегородки и сияло так, будто нашло сокровище.

Он чувствовал себя так, будто его разорвет пополам. И дело было даже не столько в смущении, сколько в терзаниях на грани между желанием убить кого-нибудь и саморазрушением.

А Че Шэнъянь, представьте себе, еще и посмеивался время от времени поглядывая на него с лучезарной улыбкой:

— Старший, я вечером свободен~ Точно не подумаешь над тем, чтобы довериться мне...

— Замолчи.

— Ладно-ладно, умолкаю~ Ни слова больше~ Просто мне кажется, тебе стоит найти кого-то, кто разделит это бремя, иначе с твоей грудью... ой, то есть, с этим симптомом, тащить всё в одиночку слишком тяжело.

Го Цзайсинь мысленно пожелал вонзить ручку себе в уши.

**

Время медленно шло вперед. Наконец наступил конец рабочего дня.

В отделе планирования, как обычно, кто-то упаковывал коробочки с едой, кто-то кричал про «сегодняшние посиделки», а кто-то на ходу громко обсуждал маркетинговые предложения. Го Цзайсинь изначально тоже планировал быстро собрать вещи и сбежать, но на беду — его окликнул руководитель Цуй Ши.

— Руководитель Го, формат еженедельного отчета нужно немного скорректировать, вышестоящие говорят, что хотели бы добавить прогнозные данные на четвертый квартал этого года.

— Понял, сегодня вечером всё доработаю и отправлю.

Цуй Ши кивнул, больше ничего не сказал и развернулся уходить.

Мужчина был немногословен, как всегда, но само обращение руководитель Го прозвучало на редкость весомо. Го Цзайсинь машинально проводил взглядом его удаляющуюся спину. Костюм сидел идеально, шаг был твердым, плечи широкими, а аура — давящей до потери дыхания.

Когда-то он втайне засматривался на таких мужчин.

Но теперь в его жизни появился безумец — безумец пылкий, страстный и с такой толстой кожей, что она выдержала бы ядерный удар, — Че Шэнъянь.

— Старший~~

Этот знакомый голос снова раздался за спиной.

Го Цзайсинь не обернулся.

— Пойдем? Разве мы не собирались поболтать после работы?

— Я никогда не говорил, что собираюсь с тобой болтать... — Он вздохнул. — Ладно, забудь. Я просто хочу прояснить с тобой пару вещей.

— Отлично~ Куда пойдем? В твою комнату?

— В кладовую рядом с офисом! — сквозь зубы процедил Го Цзайсинь, покраснев до корней волос.

Че Шэнъянь громко рассмеялся:

— Есть, есть, слушаюсь!

**

Они друг за другом подошли к двери кладовой.

Это было крошечное подсобное помещение, которым в компании пользовались редко — обычно там хранили старые папки с документами и запасное оборудование. Го Цзайсинь частенько сбегал сюда, чтобы украдкой перевести дух, а теперь оно превратилось в судейскую за «туалетный инцидент».

Едва войдя, он первым делом закрыл дверь, опустил жалюзи и убедился, что вокруг никого нет.

— Садись ровно. Я скажу несколько вещей.

Че Шэнъянь послушно сел, сложив руки на коленях, и улыбался так, будто был прилежным учеником на уроке.

— Первое: то, что произошло сегодня, ты не имеешь права никому рассказывать. Что бы ты ни думал, это был акт личной заботы под руководством медицинской необходимости, а вовсе не какая-то пошлость и не мастурбация.

— Я знаю~ — Че Шэнъянь невинно развел руками. — Сначала я, конечно, неправильно всё понял, но потом ты же объяснил. Я ведь не лишен здравого смысла.

— Второе: больше никаких подглядываний из-за перегородки в туалете! Это... это... — Он запнулся и наконец выдал из себя два слова: — Извращение!

— Да-да, никаких подглядываний, больше не буду, — закивал Че Шэнъянь, как циклюющий зерно петух. — Я просто слишком за тебя переживал. Вдруг бы ты действительно... застрял?

— Я бы лучше застрял насмерть, чем принял твою помощь!

— Ого, какая жестокость~

— Третье... — Го Цзайсинь намеревался продолжить, но, заметив эту ухмылочку на лице собеседника, внезапно умолк.

Потому что он понял: как бы строго и серьезно он ни отчитывал этого парня, тот всё равно выглядел так, будто просто пытался его подразнить. Ни капли стыда, ни капли страха.

Помолчав пару секунд, он тихо спросил:

— Скажи на милость, почему тебя эта тема... так увлекает?

Че Шэнъянь пожал плечами, и его голос внезапно стал чуть тише:

— Я же говорю, я искренне волнуюсь.

Его тон вовсе не был обычным легкомысленным тоном — напротив, в нем прозвучала странная нотка серьезности и заботы, застигшая Го Цзайсиня врасплох.

— Ты переживаешь, что я в туалете... умру от переутомления после массажа? — Цзайсинь прищурился, невозмутимо отступив на шаг назад. Его руки по-прежнему судорожно вцепились в рубашку, и он выглядел настороженным, как затравленный зверек.

— Ой, ну что за слова, я же не говорил, что ты переутомился, — но у тебя был такой вид, будто тебя тошнит. Я уж подумал, ты тайком плачешь, — заговорщически протянул Шэнъянь, изображая на лице такое комичное сочувствие, что так и хотелось врезать ему кулаком.

— Ничего я не плакал! — пригрозил ему пальцем Го Цзайсинь, а кончики его ушей покраснели так, будто вот-вот задымились.

— Да-да-да, у тебя просто покраснели глаза, участилось дыхание, покраснелось лицо и весь заляпан кремом лосьон, — с серьезным видом перечислял Шэнъянь, загибая пальцы. — Точно, совсем не похоже на слезы, скорее напоминает... оргазм после бурной ночи...

— Скажи еще хоть одно слово, и я действительно позову HR, — прорычал Цзайсинь.

— Всё-всё, молчу, молчу. — Че Шэнъянь с ухмылкой поднял руки вверх, изображая паиньку, но в следующую же секунду не удержался и добавил: — Но знаешь, старший, если честно, я впервые вижу человека в таком положении.

— Прекрасно, тогда можешь считать, что ты с отличием закончил курс моей жизни, больше мы не пересекаемся. — Го Цзайсинь, не оглядываясь, схватил портфель и собрался дать дёру.

— Ой-ой-ой, погоди же! — Шэнъянь тут же увязался за ним, прилипнув следом, словно крупная назойливая собака. — Я впервые вижу человека, который настолько старательно ухаживает за своей грудью. Какая преданность профессии!

— Это не уход, это терапевтическая процедура! — оборвал его Цзайсинь.

— Ладно-ладно, лечебный массаж, — подмигнул Шэнъянь, резко меняя тон: — Но если честно, ты мне совсем не доверяешь. А ведь такие вещи, как массаж, изначально нужно доверять профессионалам.

— Ты говоришь, что профессионал, но еще секунду назад смеялся надо мной, а в следующую — уже норовил протянуть руки. Кто тебе поверит?

— Да я просто ошарашен от шока, понимаешь? В конце концов... фигура старшего действительно заставляет забыть обо всем остальном, — двусмысленно бросил он взгляд на собеседника.

— Скажешь еще хоть одну непристойность, и я отправлюсь прямиком к Ван Цзе жаловаться на сексуальные домогательства. — Го Цзайсинь зашагал к офисной зоне уверенным шагом, даже не оборачиваясь.

— Хорошо-хорошо, я молчу! — поднимая руки в знак капитуляции, Че Шэнъянь тут же вставил свои пять копеек едва слышным шепотом: — Но я по-прежнему считаю, что твоя грудь слишком красива, прятать ее — просто преступление...

Го Цзайсинь глубоко вздохнул, заставляя себя не оглядываться.

Из чего вообще сделан этот тип? Как можно совмещать отборную наглость в словах с тем, что от него не исходит ощущения чего-то мерзкого? То, что он нес, звучало бесстыдно, но в то же время его голос не содержал ни капли пошлости — он рассуждал об этом так же естественно, как о выборе коробочки с обедом.

Самое страшное было в другом —

Он не притворялся.

У Го Цзайсиня смутно шевельнулось предчувствие: Че Шэнъянь действительно, от всего сердца «ничего не боится»... и от всего сердца интересуется его «состоянием».

И именно это пугало Цзайсиня сильнее всего.

**

Вернувшись в офис, Го Цзайсинь почувствовал, что температура вокруг него изменилась.

Дело было вовсе не в сломавшемся кондиционере — просто его собственная температура тела подскочила, и он чувствовал себя так, будто сейчас задымится.

Он направился прямо к своему столу, уселся, включил компьютер и сделал вид, что занят работой. Со стороны он казался невероятно продуктивным клерком, хотя на самом деле рисковал прожечь дыру в ячейках таблицы Excel на экране монитора.

— Старший~ — раздался прямо над ухом знакомый голос.

— ...Я же сказал: сиди тихо, — не оборачиваясь, бросил Цзайсинь.

— Да я просто хотел спросить, не хочешь ли кофе~ — Шэнъянь протянул ему одноразовый бумажный стаканчик. — Смотрю, твой утренний уже совсем пустой. Боюсь, в обморок упадешь от падения сахара.

— Тебе обязательно придумывать новый повод, чтобы ко мне подойти? — холодно бросил Цзайсинь, но стаканчик с кофе всё же машинально взял.

— Какой еще повод, я просто беспокоюсь, как бы у тебя грудь не заболела~ — едва слышно прошептал Шэнъянь.

Го Цзайсинь едва не выплюнул горячий кофе.

— Произнесешь слово на букву «г» еще хоть раз, и я сделаю так, что тебе больше нечего будет массировать.

— Ой-ой-ой~ Старший, твои угрозы меня так пугают! — Че Шэнъянь расплылся в улыбке, будто объелся конфет.

— Че Шэнъянь, — процедил Цзайсинь, — ты что, бессмертный?

— Тебя я не боюсь. — Шэнъянь чуть подался вперед, его улыбка слегка померкла, а голос стал чуточку мягче. — Я просто боюсь, что ты вечно от всего прячешься и загоняешь себя до полусмерти.

Го Цзайсинь замер, не зная, что ответить.

С чего это этот паренек снова затянул подобную песню?

Он отвел взгляд, делая вид, что полностью погружен в работу. Но то тревожное чувство, что зашевелилось в глубине души, казалось кем-то нарочно поджженным и теперь тихонько тлело.

— Ах да, — резко сменил тему Шэнъянь, — Ван Цзе зовет тебя на совещание, в пять часов, в отдел маркетинга.

— Хорошо, я понял, — кивнул Го Цзайсинь, с облегчением подумав, что хоть ненадолго избавится от этого общества.

Однако Шэнъянь тут же добавил:

— Я тоже иду, Ван Цзе сказала, что мы в этот раз напарники по проекту~ Какое совпадение, правда, старший?♥

Го Цзайсинь: «...»

[Мысли: почему бы мне просто не умереть? С чего это мы напарники?]

**

Ровно в пять часов вечера в конференц-зале.

Го Цзайсинь сидел перед проектором, перелистывая материалы презентации и изо всех сил стараясь сохранять профессиональный вид.

А сидевший рядом «профессиональный вредитель» Че Шэнъянь закинул ногу на ногу, бесцеремонно придвинулся чуть ближе и совершенно невинным тоном произнес:

— Вау, старший, как у тебя красиво оформлены шрифты! Ни за что бы не догадался, что это сделано прямо во время сеанса массажа.

— Ты о чем? — Го Цзайсинь даже не повернул головы.

— Я говорю, у тебя отличный вкус~ — мгновенно исправился Шэнъянь, расплывшись в идеальной улыбке.

Когда вошла Ван Цзе, она слегка приподняла брови, заметив эту картину, но комментировать ничего не стала — лишь легко улыбнулась:

— Какая у вас сегодня гармоничная атмосфера. Как продвигается совместная работа?

— Исключительно плодотворно, — тут же отрапортовал Шэнъянь.

— Да... вроде нормально, — изо всех сил изображая дежурную улыбку, выдавил Цзайсинь.

— Прекрасно, тогда отлично, — Ван Цзе бросила на них оценивающий взгляд и с полуулыбкой добавила: — Вашей группе поставлена задача выдать по-настоящему креативный результат. Если концепция получится по-настоящему потрясающей, возможно, в конце года вас ждет хорошая прибавка к премии.

— Ну тогда мы просто обязаны всех поразить! — Шэнъянь хлопнул себя по груди (своей собственной) в знак обещания.

— Главное, чтобы люди не испытали «испуг» вместо поражения... — вполголоса пробормотал Цзайсинь.

Ван Цзе больше ничего не сказала и принялась излагать суть проекта и этапы его реализации. Че Шэнъянь же на протяжении всего совещания то и дело украдкой бросал на него взгляды, а временами даже набрасывал в блокноте для записей карикатуры: на рисунке человек держался обеими руками за грудь и плакал со словами: «Я совсем не то, о чем вы подумали!»

Бросив быстрый взгляд на бумагу, Го Цзайсинь едва не взорвался от стыда.

Он ткнул ручкой в локоть соседа и тихо пригрозил:

— Ты больной?

Шэнъянь, с трудом сдерживая смех, чиркнул строчку на листочке и подвинул к нему:

— Я твой самый преданный фанат♥

Го Цзайсинь: «...»

[Мысли: если бы за убийство не сажали в тюрьму, я бы уже давно стал серийным маньяком.]

**

После окончания совещания Го Цзайсинь намеревался уйти немедленно, но Че Шэнъянь увязался за ним по дороге обратно к рабочим местам.

— Старший~ Может, поужинаем вместе?

— Не голоден.

— Я угощаю~

— У меня нет времени.

— После массажа ускоряется метаболизм, нужно обязательно подкрепиться белком.

— Я же сказал: я больше не хочу! Слышишь, не хочу! С тобою... говорить ни о чем, что связано с массажем! — Го Цзайсинь резко развернулся, на ходу обрывая фразу, но внезапно замер.

Потому что Че Шэнъянь стоял прямо перед ним, и прежняя ураганная улыбка полностью исчезла с его лица.

— Я знаю, что ты хочешь сделать вид, будто ничего не было, но... — тон Шэнъяня неожиданно стал мягким. — Ты правда думаешь, что я из тех людей, кто станет смеяться, увидев тебя... в таком виде?

Го Цзайсинь ничего не ответил.

— Я не смеюсь над тобой, — тихо произнес Шэнъянь. — Я просто думаю... до чего же ты на самом деле одинок.

Эти слова, словно иголка, вонзились в самое уязвимое место его груди.

<http://bllate.org/book/24051/2763321>